

Сергей А. Чернышов *

Рурский университет в Бохуме, Бохум, Германия

(*Автор-корреспондент. E-mail: opensibir@gmail.com; sergei.chernyshov@ruhr-uni-bochum.de)

Практики конструирования локального прошлого и сибирской идентичности в региональных медиа

В данной статье проводится текстологический анализ материалов медиа Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока за 2020–2023 гг., посвященных локальной исторической памяти, и анализируется, как медиакommunikation формируют представления об истории Сибири и сибирской идентичности в современной России. Новизной этого исследования является исследование многолетнего массива медиаданных локальных интернет-СМИ восточной части России для анализа транслируемых нарративов локальной идентичности, прежде всего в контексте локальной исторической памяти. Идентичность в исследовании рассматривается как условный дискурсивный конструкт, который устанавливает тождество внутри некоей социальной группы. Таким образом, исследование выполнено в рамках социально-конструктивистского подхода с использованием инструментария коммуникативистики. Основой для текстологического анализа является корпус текстов региональных интернет-источников 2020–2023 годов, выделенных по ключевым словосочетаниям-маркерам: «присоединение Сибири», «завоевание Сибири», «освоение Сибири», «Сибирь и Россия». Общий объем массива данных составил более 1,2 миллиона знаков. После формальной реорганизации текста был проведен анализ частотности лексем, а также контекстный и дискурс-анализ, которые позволяют выявить оценочные характеристики медиадискурсов по отношению к отдельным историческим событиям и историческим персонажам. Проведенный текстологический анализ в целом продемонстрировал доминирование локальных топонимов и в целом лексем в анализируемых медиатекстах, доминирование территориальных лексем над этническими, а также доминирование упоминаний социальных групп, относящихся к «народу», над лексемами, относящимися к «элитам». Результаты анализа оценочных характеристик исторических событий и исторических персоналий показывают, что в их отношении доминирует преимущественно нейтральный тон характеристик. В нарративах, транслируемых локальными медиа, нет однозначно положительных «героев» и однозначно отрицательных «врагов» (например, «герой» Ермак, освободивший Сибирь от «узурпатора» Кучума) — в основном все персонажи описываются преимущественно нейтрально. Из этого можно сделать вывод, что и локальные события, и локальные герои не участвуют как акторы в конструировании определенно ориентированного исторического мифа, оставаясь на периферии исторической памяти сибиряков. Это исследование вносит свой вклад в ведущиеся дискуссии о сибирской региональной идентичности, поскольку позволяет проанализировать связь известных по социологическим данным характеристик локальных автостереотипов сибиряков и тех нарративов, которые транслируют локальные медиа. Поскольку в проанализированных текстах доминируют в основном нейтральные характеристики героев и событий прошлого, то в рамках социально-конструктивистского подхода можно сделать вывод, что в дискурсах локальных медиа отсутствует определенное разделение на «своих» и «чужих». Таким образом, эти нарративы не могут являться прочной основой для конструирования специфической локальной идентичности — напротив, они размывают ее в общероссийском национальном мифе, подчеркивая вторичный характер локального прошлого. В локальных медиадискурсах никак не реконструируется связная картина общего исторического прошлого всего востока страны. Таким образом, доказываем, что современные региональные медиа способствуют скорее размыванию, деконструкции сибирской идентичности, чем развитию таких локальных идентичностей, которые имеют антагонистический потенциал для общероссийского исторического мифа.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, исследования памяти, региональная идентичность, Урал, Сибирь, Дальний Восток, сибиряки, федерализм, интернет-медиа, медиаисследования, историческая антропология.

Сергей А. Чернышов

Бохумдағы Рур университеті, Бохум, Германия

Өңірлік медиадағы жергілікті өткенді және сибірлік бірегейлікті конструкциялау тәжірибесі

Мақалада Еділ бойы, Орал, Сібір және Қиыр Шығыс өңірлерінің 2020-2023 жылдар аралығындағы жергілікті тарихи жадқа қатысты медиа материалдарына мәтіндік талдау жасалды және қазіргі Ресейдегі Сібір тарихы мен сибірлік бірегейлік туралы ойдың қалыптасуына медиакоммуникацияның қалай ықпал ететіні талданды. Зерттеудің ғылыми жаңалығы — жергілікті тарихи жады контекстінде трансляцияланатын жергілікті бірегейлік нарративтерді талдау үшін Ресейдің шығыс бөлігіндегі медиациялық жергілікті интернет БАҚ-тың көпжылдық массивін зерттеу. Мақалада бірегейлік әлеуметтік топ ішіндегі ұқсастықты анықтайтын шартты дискурстық құрылым ретінде қарастырылады. Осылайша зерттеу әлеуметтік-конструктивистік тәсіл шеңберінде, коммуникация теориясының әдіснамалық құралдарын пайдалану арқылы жүзеге асырылған. Мәтіндік талдаудың негізін 2020-2023 жылдардағы аймақтық интернет-дереккөздерден алынған мәтіндер корпусы құрайды. Материалдар «Сібірдің қосылуы», «Сібірдің жаулап алынуы», «Сібірді игеру», «Сібір және Ресей» сияқты кілттік сөз тіркестері бойынша іріктелді. Жалпы деректер көлемі 1,2 миллион таңбадан асты. Мәтіннің формальды қайта құрылымдалуынан кейін лексемалардың жиілік талдауы, сонымен қатар контекстік және дискурс-талдау жүргізілді. Бұл тәсіл тарихи оқиғалар мен тұлғаларға қатысты медиадискурстардың бағалау сипаттарын айқындауға мүмкіндік берді. Жалпы алғанда, мәтіндік талдау зерттелген медиамәтіндерде жергілікті топонимдер мен лексемалардың басым екенін, этникалыққа қарағанда территориялық лексемалардың үстем екенін, сондай-ақ «халыққа» қатысты әлеуметтік топтарды сипаттайтын лексемалардың «элитаға» қатысты лексемалардан басым екенін көрсетті. Тарихи оқиғалар мен тұлғаларды бағалау талдауы олардың бейтарап сипатта берілгенін анықтады. Жергілікті медиа таратып отырған нарративтерде айқын жағымды «қаһармандар» да, айқын жағымсыз «жаулар» да жоқ (мысалы, «Сібірді азат еткен» Ермак пен «басқыншы» Күшім образы). Кейіпкерлердің сипаттамасы көбіне бейтарап сипатта берілген. Бұл жергілікті оқиғалар мен тұлғалар нақты бағытталған тарихи мифті қалыптастыруда белсенді рөл атқармайды, сибірліктердің тарихи жадында «шеткері орында» қалып отырғанын көрсетеді. Зерттеу сибірлік өңірлік бірегейлік жөніндегі ғылыми талқылауларға үлес қосады, себебі ол сибірліктердің жергілікті автостереотиптерін (социологиялық деректер бойынша белгілі) және жергілікті БАҚ-та тарайтын нарративтерді салыстыра талдауға мүмкіндік береді. Зерттелген мәтіндерде өткен дәуірдің кейіпкерлері мен оқиғаларына қатысты бейтарап сипаттамалар басым болғандықтан, әлеуметтік-конструктивистік тұрғыдан алғанда жергілікті медиадискурстарда «өзіміз» бен «бөгделердің» айқын шекарасы жоқ деген қорытынды жасауға болады. Сондықтан бұл нарративтер нақты жергілікті бірегейлікті қалыптастырудың берік негізі бола алмайды; керісінше, олар оны жалпыресейлік ұлттық мифтің шеңберінде бұлдыратып, жергілікті өткеннің екінші дәрежелі сипатын айқындайды. Жергілікті медиадискурстар елдің шығыс бөлігі үшін ортақ тарихи өткеннің біртұтас бейнесін қалпына келтірмейді. Осылайша, қазіргі аймақтық медиа сибірлік бірегейліктің дамуына емес, оның бұлыңғырлануы мен деконструкциялануына көбірек ықпал етеді деген тұжырым жасалады.

Кілт сөздер: тарихи жады, тарихи саясат, жады зерттеулері, өңірлік идентификация, Орал, Сібір, Қиыр Шығыс, сибірліктер, федерализм, интернет-медиа, медиа зерттеулері, тарихи антропология.

Sergei A. Chernyshov

Ruhr University Bochum, Bochum, Germany

Practices of Constructing Local Past and Siberian Identity in Regional Media

This article presents a textual analysis of media materials from the Volga region, the Urals, Siberia, and the Russian Far East published between 2020 and 2023, dedicated to local historical memory. It examines how media communications shape public perceptions of Siberian history and Siberian identity in contemporary Russia. The novelty of this research lies in the study of a multi-year corpus of media data from local online outlets in the eastern part of Russia to analyze the narratives of local identity, primarily in the context of local historical memory. Identity in this study is viewed as a conditional discursive construct that establishes a sense of sameness within a given social group. Thus, the study is conducted within a social constructivist framework using tools of communication theory. The textual analysis is based on a corpus of texts from regional online sources from 2020-2023, selected according to key phrase markers: «Annexation of Siberia,» «Conquest of Siberia,» «Development of Siberia,» and «Siberia and Russia.» The total data volume exceeded 1.2 million characters. After the formal reorganization of the texts, a lexical frequency analysis was carried out, along with context and discourse analysis, which made it possible to identify evaluative characteristics of media discourses regarding historical events and figures. The textual analysis generally demonstrated the

predominance of local toponyms and lexemes in the analyzed media texts, the dominance of territorial over ethnic lexemes, and the prevalence of references to social groups associated with «the people» over those connected with «the elites.» The analysis of evaluative characteristics of historical events and figures shows that their descriptions are generally neutral in tone. The narratives disseminated by local media do not feature unambiguously positive «heroes» or negative «enemies» (for example, the «hero» Yermak, who liberated Siberia from the «usurper» Kuchum); most characters are described in predominantly neutral terms. From this, it can be concluded that local events and heroes do not function as actors in constructing a specific historical myth; instead, they remain on the «margins» of Siberians' collective historical memory. This study contributes to ongoing discussions about Siberian regional identity by allowing an analysis of the relationship between established sociological characteristics of Siberians' local self-stereotypes and the narratives conveyed by local media. Since the analyzed texts are dominated by neutral descriptions of past heroes and events, within the social constructivist approach it can be concluded that local media discourses lack a clear distinction between «us» and «them.» Consequently, these narratives cannot serve as a firm foundation for the construction of a distinct local identity; on the contrary, they blur it within the broader Russian national myth, emphasizing the secondary nature of the local past. The local media discourses fail to reconstruct a coherent picture of the common historical past of the country's eastern regions. Thus, it is demonstrated that contemporary regional media contribute more to the diffusion and deconstruction of Siberian identity than to the development of local identities that could present an antagonistic potential to the overarching Russian historical myth.

Keywords: historical memory, historical policy, memory studies, regional identity, Urals, Siberia, Far East, Siberians, federalism, internet media, media studies, historical anthropology.

Введение

Сибирская идентичность — одна из немногих территориальных идентичностей в России (наряду, прежде всего, с Уралом, Кавказом и Дальним Востоком), которая не является этнической, но при этом стабильно существует во вполне определенном пространстве и времени вот уже более полутора веков. В бытовом употреблении, в СМИ и отдельных социальных и даже политических практиках наименования «сибирский», «сибиряки», «Сибирь» используются как маркеры квазиэтнической или даже цивилизационной [1] характеристики определенной группы людей на восточной части Российской Федерации. В переписи 2010 года в качестве национальной самоидентификации «сибиряками» назвали себя 4166 человек — таким образом, сибиряки были институционализированы и легитимизированы в России как квазиэтническая или квазинациональная общность [2; 165].

Для работы с понятием любой социальной идентичности такого рода я придерживаюсь социально-конструктивистского подхода, который определяет идентичность как условный (или, в формулировке Бенедикта Андерсона, «воображаемый» [3]) дискурсивный конструкт, который путем использования некоторых характеристик устанавливает тождество внутри некоей социальной группы [4]. И, напротив, устанавливает отличия этой социальной группы от других. Характеристики идентичности в целом являются консенсусом самых разных авторов на протяжении вот уже более ста лет. Так, экономист и социолог Макс Вебер писал, что такими характеристиками являются «субъективная вера в общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе, или же по причине общей памяти о колонизации и миграции» [5; 17]. А современный российский академик Валерий Тишков определил следующие компоненты идентичности: общие названия и элементы культуры, миф (версия) об общем происхождении и общей исторической памяти, ассоциирование себя с особой территорией и чувство солидарности [6; 60].

Идентичность тесно связана с общей исторической памятью — термином, который сформулировал еще в 1920-е годы Морис Хальбвакс. Уже упомянутый Бенедикт Андерсон писал, что нации — это сообщества, которые «неуклонно движутся вглубь истории и из глубины истории», «забывая» при этом «неудобные» вопросы, которые потенциально могут разделять конструируемое сообщество [7]. Таким образом, в рамках социально-конструктивистского подхода идентичность является конституирующим (смыслообразующим) основанием социальной группы [4], конструирование идентичности — процессом выстраивания границ между своим сообществом и всем остальным миром, а основаниями идентичности выступают значимые для общества символы, которые имеют хотя бы какие-то реальные связи с прошлым [8].

В этом смысле сибирская идентичность представляет собой практически идеальный, классический пример конструирования и существования социальных идентичностей. Она родилась

как социальный конструкт местных интеллектуалов полтора века назад на страницах «Томских губернских ведомостей», где с идеей «особости» Сибири выступали идеологи областничества Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев [9]. В советский период сибирская идентичность продолжила жить в медиа — прежде всего, в кино, которое критическим образом повлияло на формирование гетеро- и автостереотипов, связанных с Сибирью и «сибирской тематикой»: от фильма «Золотое озеро» (1935 год) до «Печек-Лавочек» (1972 год) и «Сибириады» (1978 год) [10]. Эти стереотипы — о «природности», честности, открытости, трудолюбии сибиряков продолжают доминировать в Сибири и сегодня [11; 250], причем преимущественно среди старшего поколения, что логично, учитывая массовую успешную пропаганду «сибирства» в советский период.

По данным лонгитюдных исследований, если в 1994 году самоидентификацию «сибиряк» отмечали как подходящую для себя 19 % жителей Сибири, то в 2010 году — уже 75 % [12; 57]. По данным одного из недавних больших тематических опросов, на вопрос «Кем вы себя в большей степени ощущаете?» 49,8 % респондентов ответили «россияне», 38,7 % выбрали вариант «сибиряки», 31,2 % — «житель своего региона (района)» [13]. И только в национальных республиках Сибири (Алтай, Тува, Хакасия, Бурятия) этническая самоидентификация доминирует над макрорегиональной, но и там «сибиряками» называют себя до 27 процентов опрошенных [14].

Куда сложнее с характеристиками сибирской идентичности. С одной стороны, сибиряки определенно считают себя именно сибиряками — то есть особой социальной группой со специфическими характеристиками. С другой стороны, определение этих характеристик вызывает у них известные затруднения, и автоидентификация скатывается к некоторому набору банальностей. Это, как правило, суровая природа и обширная территория [12; 59], противопоставление Сибири и жителей столицы как «тружеников» и «московских торгашей» соответственно [15; 120], а также определенные положительные черты характера — упорство, искренность, благожелательность, толерантность, коллективизм и прочие аналогичные [16].

Откуда социальные сообщества извлекают те или иные нарративы, которые становятся основой идентичности? Помимо школьной системы и иных государственных структур [3], источником нарративов идентичностей являются медиа в широком понимании этого института — от традиционных СМИ до кино и книг [17-18]. В крайнем случае медиа могут стать фактически доминирующим источником для формирования идентичности — как случилось, к примеру, в Канаде в середине XX века, где специфическую канадскую нацию в течение нескольких десятилетий сформировало телевидение [19]. Однако аналогичные, хотя и менее выраженные процессы, прослеживаются по всему миру, включая постсоветское пространство [20-21]. Причем по мере стагнации тиражей и влияния традиционных СМИ (телевидения и бумажных газет) [22], доминирующим влиянием обладают интернет-медиа, которые в последние годы привлекают все большее внимание исследователей [23-24]. Медиа, по выражению Юргена Хабермаса, выступают одновременно и пространством диалога, и инструментом конструирования социальных идентичностей [25].

В поисках специфических характеристик сибирской идентичности это исследование обращается к локальным медиа и ставит целью через анализ дискурсов официальных СМИ проанализировать транслируемые ими нарративы исторической памяти сибиряков и связанные с ней социальные оценки современности, а также сопоставить выявленные нарративы с существующими сегодня автостереотипами сибиряков — с учетом того, что взаимосвязь медиа и бытующих в обществе социальных нарративов нельзя считать однонаправленной: медиа, с одной стороны, модерирует общественную дискуссию, а с другой — является индикатором ее «болевых точек».

Материалы и методы

Материалом для исследования стал корпус текстов, полученный путем автоматизированного сбора и систематизации информации из открытых источников (парсинга). Парсинг текстов был проведен при помощи сервиса «Яндекс.Новости», в котором имеется техническая возможность для локализации текстов — отбора тех или иных публикаций по критерию региона (макрорегиона) происхождения, а также для отбора текстов по дате выхода. При этом сервис интегрирует все тексты, имеющиеся в открытом доступе в Интернете, опубликованные в определенном регионе в определенный период, — таким образом, выборка массива текстов стремится к 100 %.

При помощи сервиса «Яндекс.Новости» был получен массив всех публикаций интернет-медиа, зарегистрированных и локализованных в Поволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном

федеральных округах за 2020–2023 годы, посвященных локальной исторической памяти — ядра сибирской (и любой другой) идентичности. Публикация определялась как относящаяся к вопросам коллективной исторической памяти при наличии следующих слов (словосочетаний) — маркеров: «присоединение Сибири», «завоевание Сибири», «освоение Сибири», «Сибирь и Россия», «роль Сибири», «Сибирь в истории России», «история Сибири», «Ермак», «сибиряк», «переселение в Сибирь», «сибирские первопроходцы», «народы Сибири».

В состав получившегося таким образом исходного массива текстов попали материалы локальных медиа, посвященные различным темам — от дискуссий об установке памятника Ермаку в Тобольске Тюменской области до интервью с экспертами Красноярского экономического форума. Объем получившегося массива текстов составил около 1,2 миллиона знаков или около 165 тысяч слов.

Этот массив при помощи программного комплекса MyStem был подвергнут формальной реорганизации: лемматизации (приведению лексем в исходный вид согласно правилам современного русского языка) и исключению вспомогательных слов (междометий, предлогов и других), а также слов, не имеющих отношения к тематике исследования. Затем при помощи программного комплекса Antconc был проведен анализ частотности лексем. Из анализа были исключены лексемы, упоминаемые менее пяти раз. Кроме частотности лексем, при помощи AntConc были проанализированы метрики TF-IDF (term frequency — inverse document frequency), позволяющие определить специфичность терминов (сочетаний терминов) для конкретного текста. Эта опция была использована для дискурс-анализа и контекстного анализа личных лексем — тех или иных исторических героев, в отношении которых было важно проанализировать оценочные характеристики соответствующих текстов.

Обработанный массив текстов стал основой для анализа дискурсивного конструирования идентичностей в локальных медиа. Отталкиваясь от базовых положений социально-конструктивистского подхода, рассматривающего медиа как субъекты, определяющие векторы социальных процессов [26–27], в исследовании массива текстов были использованы современные методы коммуникативистики, согласно которым для анализа медиaprостранства необходимо охватить по возможности весь спектр информации, поскольку в сложно устроенном сетевом обществе невозможно доминирование одной-единственной точки зрения [28], или, по Бруно Латуру, «бесспорной отправной точки коммуникаций» [29; 44]. Поэтому конструирование тех или иных социальных нарративов в исследовании рассматривается с позиций постулирования наличия социального диалога, осуществляемого систематически вплоть до достижения определенного консенсуса [29; 340].

Исследователи периодически обращаются к анализу медиaprостранства для формирования представлений о тех или иных социальных проблемах — например, репрезентации исторических событий в периодической прессе [30], незавершенности споров о доминировании гражданской или этнической концепции нации в Казахстане [31], размывании диаспор на постсоветском пространстве [32], доминанте «туристических» автостереотипов на Алтае [33], соотношения территориальной и этнической самоидентификации в Татарстане [34] и так далее.

Метод корпусного текстометрического анализа использован для выявления закономерностей репрезентации локальной идентичности, анализа частотности употребления ключевых понятий, их контекстуальных связей и динамики нарративов локальной исторической памяти в текстах локальных интернет-СМИ. Для сплошного количественного анализа массива текстов была разработана система семантических категорий, позволяющих проанализировать смысловые характеристики медиадискурсов: «География», «Региональная принадлежность», «Национальная принадлежность», «Города», «Персоналии», «Население». Эта система семантических категорий предопределила направления сравнительного анализа частотности лексем и словоформ.

Результаты

В результате формальной реорганизации и первичной аналитической обработки полученного массива текстов было получено следующее территориально-категоричное распределение (Табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Сводная территориально-категориальная характеристика массива текстов (всего лексем)

Федеральные округа	Дальний восток	Сибирь	Урал	Поволжье
География	Сибирь (66), Якутия (56), Россия (47), Восток (46), Забайкалье (27), Китай (8), Приамурье (8), Приморье (6)	Сибирь (684), Россия (195), Страна (117), Алтай (52), Китай (42) Хакасия (41), Урал (18), Монголия (17), Русь (16), Поволжье (15)	Сибирь (150), Россия (63), Страна (25), Восток (13), Урал (10), Зауралье (6)	Россия (142), Сибирь (124), Китай (42), Татарстан (26), Татария (25), Башкортостан (24), Урал (17), Поволжье (15), Приуралье (13), Приамурье (5),
Региональная принадлежность	Якутский (45), Сибирский (31), Коренной (46), Местный (21), Малочисленный (20), Восточный (17), Нерчинский (12), Амурский (9), Китайский (8), Московский (7), Приморский (7)	Сибирский (294), Омский (131), Российский (111), Местный (68), Томский (58), Красноярский (52), Новосибирский (50), Китайский (49), Алтайский (47) Иркутский (46), Енисейский (45), Чувашский (41), Немецкий (40), Коренной (33), Татарский (28), Московский (23), Казанский (21), Хакассский (14), Тюменский (12)	Тюменский (93), Сибирский (91), Местный (28), Татарский (27), Тобольский (25), Коренной (23), Российский (22), Отечественный (15)	Сибирский (62), Российский (92), Казанский (48), Китайский (41), Местный (26), Самарский (21), Московский (14), Пермский (13), Уральский (13), Отечественный (12), Коренной (8), Томский (6)
Национальная принадлежность	Русский (200), якут (29), татарин (23), эвенк (7)	Русский (159), Китаец (89), Татарин (73), Сибиряк (63), Хакас (48), Немец (45)	Русский (115), Татарин (33), Ханты (16), Тюмонец (10), Остяк (9), Абориген (9), Бухарец (8)	Татарин (161), Русский (103), Татарский (64), Башкирский (36), Тюменский (31), Русских (27), Башкир (26), Китаец (23), Маньчжур (12), Ногайский (9)
Города	Якутск (22), Москва (16), Чита (9), Зей (8), Иркутск (8), Иргыш (8), Красноярск (6)	Новосибирск (89), Омск (81), Томск (61), Москва (59), Красноярск (43), Иркутск (37), Хабаровск (33), Владивосток (17), Тобольск (16)	Тюмень (89), Тобольск (48), Москва (13), Самара (10), Казань (6),	Тобольск (30), Москва (27), Казань (17), Тюмень (14), Омск (7)
Персоналии	Поярков (105), Ермак (91), Кучум (23), Строганов (19), Врангель (16), Головин (9), Дауров (8), Муравьев (7),	Ермак (75), Миллер (39), Кучум (10), Чингисхан (5)	Ермак (66), Кучум (31), Миллер (25)	Ермак (95), Кучум (26), Страленберг (23), Чингисхан (22), Шейбанид (8)
Население	Казак (112), Народ (82), Царь (28), Хан (21), Воевода (19), Атаман (14), Казачий (12), Князь (8), Приход (7), Служивый (7), Воин (7), Патриарх (7), Купец (6)	Народ (144), Купец (117), Казак (58), Казачий (36), Царь (28), Казачество (24), Император (13), Атаман (10), Патриарх (9),	Казак (92), Народ (58), Казачий (47), Атаман (39), Казачество (26), Купец (17), Тарханский (16), Царь (12), Воевода (7)	Народ (60), Хан (45), Казак (19), Атаман (14), Казачий (13)

Из этой базовой таблицы категориального распределения уже можно сделать несколько исследовательских выводов. Во-первых, в медиадискурсах доминируют локальные топонимы и в целом лексемы, которые можно однозначно отнести к локальным — «сибирский», «местный», «тюменский» и так далее. Количество этих лексем на порядок превышает количество тех, которые

экстерриториальны по отношению к описываемому макрорегиону — «столичный», «московский» и другие. Во-вторых, территориальные лексемы («сибирский», «тюменский» и подобные) явно доминируют над теми, которые имеют очевидный этнический смысл («якут», «эвенк», «татарин» и другие). То есть, история региона в дискурсах локальных медиа — это прежде всего история территорий, а уже затем — проживающих на этой территории этносов. Наконец, в-третьих, анализ лексем, относящихся к социальным характеристикам общества (прежде всего, в категории «Население»), демонстрирует доминирование лексем типа «народ», «казак» и других. Таким образом, история этой территории представляется в локальных медиа прежде всего как история «народной колонизации».

Результаты контекстного и дискурс-анализа дают еще более очевидное представление о доминировании тех или иных дискурсов. Объединив лексемы, характеризующие оценивающие параметры локальной истории, получаем следующую аналитическую таблицу (Табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Анализ оценивающих лексем в локальных медиадискурсах

Характер локальной истории	Агрессивный, негативный (завоевание)	Нейтральный	Мирный, позитивный (освоение, исследование)
Вариации (количество лексем)	Война (136), военный (81), Войско (66), Завоевание (46), Армия (37), Восстание (32), Завоеватель (29), Захватить (29), Ссылка (28), Борьба (22), Воин (22), Завоевывать (20), Покорение (19), Защищать (16), Покорять (15), Эксплуатация (15), Арестовывать (14), Воевать (14), Нападение (12), Оборона (12), Осада (12), Ссылный (12), Столкновение (12), Агрессия (10), Подчиняться (9), Покоритель (9), Сопrotивляться (9), Бороться (8), Закрепляться (8), Колониальный (8), Колонизатор (8), Колония (8), Разгромить (8), Сопrotивление (8), Военнопленный (8), Гонение (7), Осаждать (7), Пострадать (6), Разрушение (6), Расстреливать (6), Насильственный (5), Разорение (5), Вытеснять (5),	Поход (90), Экспедиция (86), (Входить в) состав (74), Присоединение (47), Движение (40), Переселенец (34), Миграция (32), Открытие (32), Путешественник (30), Колонизация (26), Осваивать (26), Продвижение (26), Переселение (20), Расселение (16), Переселяться (13), Экспансия (12), Землепроходец (12), Поселенец (10), Путешествовать (10), Расширять (9), Присоединяться (8), Подчинение (7), Распространяться (7), Обосновываться (5), Прирастать (5),	Освоение (121), Исследователь (52), Изучение (43), Изучать (36), Первопроходец (15), Исследовать (10), Договариваться (9),
Всего лексем	849	677	286

Результаты интеграции различных схожих по семантическим характеристикам лексем показывают, что в дискурсах локальных медиа доминирует агрессивный (завоевательный) характер локальной истории, характеризующийся лексемами «война», «покорение», «эксплуатация» и аналогичными, а также нейтральное описание событий прошлого — «поход», «колонизация», «освоение» и т.д. Характеристики, демонстрирующие мирный, позитивный характер прошлого Урала, Сибири и Дальнего Востока, находятся в явном меньшинстве и, таким образом, существенно не влияют на дискурсы локальных медиа.

Аналогичную картину дает и контекстный анализ категории «Персоналии». В этой категории в трех округах (в Сибири, Поволжье и на Урале) лидером предсказуемо стал «Ермак», которого в коллективной памяти и исторической политике традиционно реконструируют как главного инициатора присоединения региона к России. Однако на Дальнем Востоке первое место по числу

упоминаний удерживает «Поярков»^{*} (105 против 91 упоминания у Ермака, расположившегося на втором месте). На втором месте в Сибири расположился «Миллер»[†] с 39 упоминаниями, на Урале — он же на третьем месте (25), в Поволжье — «Страленберг»[‡] (23). Также везде в тройку лидеров стабильно входит «Кучум»[§], репрезентируемый как главный антагонист Ермака. Интересно, что значимое количество упоминаний «Строгановых» встречается только на Дальнем Востоке. Для Поволжья же характерно повышенное внимание к фигуре Чингисхана (22).

Дискурс-анализ был проведен по трем интеграционным характеристикам: позитивные, негативные и нейтральные — и только в отношении тех персоналий, которые упоминаются в текстах более 10 раз. К позитивным относились, к примеру, следующие характеристики: «великий русский землепроходец Василий Поярков», «доблестные русские воины во главе с атаманом Ермаком», «беспорный военный гений Чингисхана» и т.д. К негативным: «злые татары Кучума», «Чингис — приземленный эгоист», «о людях Пояркова среди местных народов прошла слава людоедов» и прочие. К нейтральным: «исполнилось 375 лет сплаву Василия Пояркова по Охотскому морю», «в 1563 году к власти в Сибирском ханстве пришёл хан Кучум» и другие аналогичные. В результате были получены следующие результаты (Табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Оценочные характеристики отдельных персоналий в локальных медиа

Персоналии	Оценочные характеристики (% от упоминаний)		
	Позитивное	Нейтральное	Негативное
Поярков	42	48	10
Ермак	29	57	14
Кучум	0	67	33
Строганов	12	84	4
Врангель	16	84	0
Миллер	26	73	1
Чингисхан	27	64	9
Страленберг	33	67	0

Из таблицы видно, что оценочные характеристики существенно отличаются в каждом конкретном случае. Так, в отношении Василия Пояркова доминируют позитивные и нейтральные коннотации, тогда как в отношении хана Кучума вообще нет ни одного определенно позитивного упоминания — в лучшем случае, нейтральные. В целом из таблицы следует, что в исторических дискурсах, транслируемых локальными медиа, в целом нет определенно положительных героев — даже те персоналии, которые в официальной историографии репрезентируются как несущие благо для местных народов (например, Ермак, освободивший Сибирь от «узурпатора» Кучума), имеют скорее нейтральное описание. Из этого можно сделать вывод, что местные герои в целом не участвуют в конструировании определенно позитивного национального российского исторического мифа и находятся на периферии исторической памяти сибиряков.

Вероятно, это связано с характеристиками доминирования определенных характеристик исторического времени (Табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Периоды «исторического времени» в дискурсах локальных медиа

Период	Вариации	Всего лексем
Общероссийский	Русский (473), Россия (451), Российский (243), Общероссийский (10), Отечество (9),	1186

^{*} Василий Поярков — якутский воевода середины XVII века, инициатор и предводитель походов по рекам Зея и Амур до побережья Охотского моря.

[†] Герхард Фридрих Миллер — российский академик середины XVIII века, руководитель первых академических экспедиций в Сибирь и автор первого академического труда «История Сибири».

[‡] Филипп Иоганн фон Страленберг — путешественник, исследователь Сибири, картограф, автор одного из первых географических описания Зауралья (1730 год).

[§] Кучум — хан Сибирского ханства, противостоявший войску под предводительством Ермака, погиб предположительно около 1600 года.

Имперский (досоветский)	Империя (75), Русь (34), Царство (27), Императорский (13), Всероссийский (10), Губернский (10), Дореволюционный (9), Транссибирский (8), Императрица (8), Держава (7), Имперский (6), Столыпинский (6), Екатерининский (5), Домонгольский (5), Царствование (5)	228
Советский	Советский (156), СССР (39), Ревком (11), РСФСР (11), Сталин (10), Революционный (8), Большевик (8), Сибревком (7), Сталинский (6), КПСС (5), Сиббюро (5), Сибнац (5), Социалистический (5)	276
Российский (постсоветский)	РФ (44), Путин (13), Постсоветский (9), ЕльЦинь (5),	71

Из таблицы 4 видно, что в текстах локальных медиа доминируют лексемы, которые невозможно определенно отнести к какому-либо историческому периоду — «русский», «Россия», «российский» и другие аналогичные. Количество этих лексем практически в два раза превышает количество тех, которые можно отнести к определенному историческому периоду — имперскому, советскому или постсоветскому. То есть история Сибири и национальная история в целом репрезентируются в локальных медиа как единый, не отличающийся во времени поток, а страна и регион, таким образом, — как извечно существующая социально-политическая реальность.

Обсуждение

Полученные в результате анализа дискурсов локальных медиа восточной части России данные вполне соотносятся с результатами исследований репрезентаций локальных идентичностей в других регионах и макрорегионах России — например, на Северном Кавказе [21] или в Башкортостане [22]. А также с результатами качественных социологических исследований самой сибирской идентичности, в которых отмечается размытый характер локальных автостереотипов и их вторичный по отношению к общероссийской идентичности характер [35]. Усиливающуюся ассимиляцию локальных идентичностей в национальных государствах, которой способствуют региональные медиа, отмечают и исследователи из других стран [36].

Это исследование вносит свой вклад в ведущиеся дискуссии о сибирской региональной идентичности, поскольку позволяет проанализировать связь известных по социологическим данным характеристик локальных автостереотипов сибиряков и тех нарративов, которые транслируют локальные медиа. Из исследования медиадискурсов 2020–2023 гг. следует, что в региональных медиа доминирует упрощенно-бытовой образ присоединения Сибири, в котором Ермак противопоставлен Кучуму, «народ» — «татарам», историческое время репрезентируется как единое, а национальное единство — как извечно существующее. В текстах локальных медиа доминируют в основном нейтральные лексемы как в отношении характера локальной истории (прежде всего, присоединения Сибири к России), так и в отношении отдельных исторических персонажей, включая тех, которые по идее должны иметь определенную негативную или позитивную коннотацию как «герой» или «враг» (например, Ермак и Кучум). Из этого можно сделать вывод, что события локальной истории и локальные исторические персонажи находятся на периферии внимания официального историко-национального мифа и не окрашиваются ни в какие эмоционально-оценочные тона.

Выводы

Текстологический анализ медиатекстов, посвященных локальным историческим нарративам о Сибири, показывает, таким образом, что дискурсы современных региональных медиа имеют несвязанный характер и не конструируют понятную, оценивающую картину локальной истории, необходимую в рамках социально-конструктивистского подхода для разделения «своих» и «чужих». В исторических нарративах, которые транслируют локальные медиа, нет определенных «своих» и определенных «чужих» — и исторические персонажи, и исторические события описываются в основном в нейтральном ключе, и, следовательно, не могут являться основой для конструирования специфической локальной идентичности.

В проанализированных текстах локальных медиа нет ничего такого, что выходило бы за пределы общероссийского исторического мифа, а потому нет ничего такого, что могло бы способствовать развитию таких локальных идентичностей, которые имеют антагонистический потенциал для общероссийской идентичности. Локальные медиа просто воспроизводят упрощенно-шаблонные,

бытовые исторические нарративы, причем производят это без какой-либо понятной идеологии или единой исторической мифологии. Тем самым эти нарративы усиливаются, а через них укрепляется вторичный характер сибирской идентичности, которая фактически находится на периферии локального автовосприятия, оставаясь формой без содержания.

Благодарности

Этот проект получил финансирование в рамках проекта SAFE — «Поддержка исследователей, находящихся в зоне риска, посредством предоставления стипендий в Европе» (Supporting At-Risk Researchers with Fellowships in Europe), финансируемого Европейским союзом в соответствии с Грантовым соглашением № 101148426. При этом выраженные взгляды и мнения принадлежат исключительно автору (авторам) и не обязательно отражают позицию Европейского союза или Европейского исполнительного агентства по научным исследованиям (REA). Ни Европейский союз, ни Европейское исполнительное агентство по научным исследованиям (REA) не несут за них ответственности.

Список литературы

- 1 Зайнутдинов А.Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа / А.Э. Зайнутдинов // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — № 6(65). — С. 335–343.
- 2 Нам И.В. Практики конструирования сибирской идентичности (региональные и общероссийские интересы) / И.В. Нам, О.А. Харусь, В.В. Шевцов // Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2023. — С. 112–176.
- 3 Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. — London; New York: Verso, 1991. — 224 p.
- 4 Брубейкер Р. За пределами «идентичности» / Р. Брубейкер, Ф. Купер // Ab Imperio. — 2002. — № 3. — С. 61–115.
- 5 Weber M. Economy and Society. Vols 1-3. / M. Weber. — New York: Bedminster Press, 1968.
- 6 Тишков В.А. Реквием по этносу / В.А. Тишков. — М.: Наука, 2003. — 544 с.
- 7 Anderson B. The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia, and the World / B. Anderson. — London: Verso, 1998. — 386 p.
- 8 Тулаева С.А. Молодежь коренных малочисленных народов Севера: стратегии конструирования идентичности / С.А. Тулаева, Е.Ф. Гладун, О.В. Захарова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2022. — Т. 25, № 1. — С. 168–189.
- 9 Шевцов В.В. Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати / В.В. Шевцов // Известия Уральского государственного университета. — 2011. — № 3. — С. 92–99.
- 10 Головнева Е.В. Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход / Е.В. Головнева, И.А. Головнев // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2017. — № 1(159). — С. 114–123.
- 11 Плотникова М.М. Локальная и региональная идентичность сибирских городов в XXI в. / М.М. Плотникова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2015. — № 8. — С. 245–252.
- 12 Жигунова М.А. Сибирский ракурс региональной идентичности / М.А. Жигунова, А.В. Ремнев, Н.В. Суворова // Национальные приоритеты России. — 2014. — № 2(12). — С. 48–63.
- 13 Казанцев Д.А. Региональная идентичность в сознании молодежи Сибири и Дальнего Востока / Д.А. Казанцев, Д.А. Качусов // Социальные и гуманитарные знания. — 2021. — Т. 7, № 2. — С. 134–145.
- 14 Мадюкова С.А. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе / С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Ю.В. Попков // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 3. — С. 69–83.
- 15 Щербаков А. Все перемелет Сибирская мельница / А. Щербаков // Край большого будущего. История, действительность, перспектива. Материалы конференции «70 лет Красноярскому краю: итоги и перспективы развития». — Красноярск: Изд-во ООО «Электробыттехника», 2004. — С. 118–120.
- 16 Анисимова А.А. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации / А.А. Анисимова, О.Г. Ечевская. — Новосибирск: НГУ, 2012. — 28 с.
- 17 McQuail D. Media Performance: Mass Communication and the Public Interest / D. McQuail. — London: Sage, 1992. — 320 p.
- 18 Kočnerová M. Význam národnej identity pre zahraničnú politiku malého štátu v globalizovanom svete / M. Kočnerová, T. Tökölýová // Formovanie identity v čase a priestore. — Bratislava: Univerzita Komenského, 2017. — S. 122–148.
- 19 Collins R. Culture, Communication, and National Identity: The Case of Canadian Television / R. Collins. — Toronto: University of Toronto Press, 1990. — 288 p.

- 20 Храпов С.А. Новые маркеры национальной идентичности Республики Казахстан: формирование антироссийских настроений в социальных медиа / С.А. Храпов, Д.А. Черничкин, М.С. Топчиев, А.И. Кривенко // Вестник Пермского университета. Политология. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 111–125.
- 21 Авксентьев В.А. Репрезентации этнополитической ситуации на Северном Кавказе в медиапространстве региона / В.А. Авксентьев, С.Ю. Иванова, М.М. Шульга // Вестник Института социологии. — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 37–54.
- 22 Сафин Ф.Г. Национальные масс-медиа как маркеры этноязыковой идентичности финно-угорских народов Башкортостана / Ф.Г. Сафин, С.С. Алексеенко, А.И. Халиулина // Финно-угорский мир. — 2018. — № 4. — С. 55–66.
- 23 Трубникова Н.В. Герои национальных нарративов в зеркале исторической памяти Рунета (на материалах больших данных социальной сети «ВКонтакте») / Н.В. Трубникова, А.Ю. Саркисова // Русин. — 2022. — № 69. — С. 282–305.
- 24 Fedotova N.G. Commemoration leaders: cultural memory of a city in the digital age / N.G. Fedotova // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. — 2023. — Т. 26, № 4. — С. 163–188.
- 25 Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere / J. Habermas. — Cambridge, MA: MIT Press, 1989. — 301 p.
- 26 Thompson J. Social Theory and the Media / J. Thompson // Communication Theory Today / ed. by D. Crowley, D. Mitchell. — Stanford: Stanford University Press, 1994. — P. 27–49.
- 27 Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / М. Маклюэн. — М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2005. — 496 с.
- 28 Блумер Г. Общество как символическая интеракция / Г. Блумер // Современная зарубежная социальная психология. — М.: Издательство Московского университета, 1984. — С. 173–179.
- 29 Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. — 384 с.
- 30 Красильникова Е.И. История городов Западной Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни»: политические и историко-краеведческие контексты 1920–1940-х годов / Е.И. Красильникова, И.А. Вальдман // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 428–448.
- 31 Лянова Т.Е. К вопросу феномена национальной идентичности в Казахстане и его вербализации в казахстанских медиа / Т.Е. Лянова, Г.И. Илина // Международный журнал экспериментального образования. — 2024. — № 1. — С. 21–25.
- 32 Гиздатов Г.Г. Медиа диаспоральных групп Казахстана: проблемы культурной идентичности / Г.Г. Гиздатов // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2024. — № 92. — С. 248–264.
- 33 Жеребенко А.В. Тематические доминанты алтайского медиатекста как инструмент конструирования локальной идентичности / А.В. Жеребенко // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2024. — № 1(51). — С. 6–11.
- 34 Ильина О.В. Практики конструирования региональной идентичности в медиадискурсе Татарстана / О.В. Ильина, Е.В. Каблуков // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 52–66.
- 35 Чернышов С.А. «Хочу я этого, не хочу — я сибиряк»: прошлое и настоящее сибирской идентичности / С.А. Чернышов // Мир России. — 2024. — Т. 33, № 4. — С. 23–43.
- 36 Lamp Z. Development of Media Consumption of Hungarians in Slovakia in the Light of Empirical Data / Z. Lamp, M. Kočnerová // Journal of Nationalism, Memory & Language Politics. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 27–49.

References

- 1 Zainutdinov, A.E. (2012). Sibirskaya identichnost v zerkale tsivilizatsionnogo analiza [Siberian identity in the mirror of civilizational analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* — *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 6(65), 335–343 [in Russian].
- 2 Nam, I.V., Kharus, O.A., & Shevtsov, V.V. (2023). Praktiki konstruirovaniia sibirskoi identichnosti (regionalnye i obshcherossiiskie interesy) [Practices of constructing Siberian identity (regional and all-Russian interests)]. *Integratsionnyi i dezintegratsionnyi potentsial identichnosti v istorii i sovremennosti* — *The Integrative and Disintegrative Potential of Identity in History and the Present*, 112–176 [in Russian].
- 3 Anderson, B. (1991). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso.
- 4 Brubeiker, R., & Kuper, F. (2002). Za predelami «identichnosti» [Beyond «identity»]. *Ab Imperio*, 3, 61–115 [in Russian].
- 5 Weber, M. (1968). *Economy and Society*. Vols 1-3. New York: Bedminster Press.
- 6 Tishkov, V.A. (2003). *Rekviem po etnosu* [Requiem for Ethnos]. Moscow: Nauka.
- 7 Anderson, B. (1998). *The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia, and the World*. London: Verso.
- 8 Tulaeva, S.A., Gladun, E.F., & Zakharova, O.V. (2022). Molodezh korennykh malochislennykh narodov Severa: strategii konstruirovaniia identichnosti [Youth of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North: Strategies of Identity Construction]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* — *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 25(1), 168–189 [in Russian].
- 9 Shevtsov, V.V. (2011). Obraz Sibiri na stranitsakh ofitsialnoi i chastnoi dorevoliutsionnoi pechati [The image of Siberia on the pages of official and private pre-revolutionary press]. *Izvestiia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta* — *News of the Ural State University*, 3, 92–99 [in Russian].

- 10 Golovneva, E.V., & Golovnev, I.A. (2017). *Obraz Sibiri v kinematograficheskom narrative: konstruktivistskii podkhod* [The image of Siberia in cinematic narrative: a constructivist approach]. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kultury — Ural Federal University Bulletin. Series 1: Issues of Education, Science, and Culture*, 1(159), 114–123 [in Russian].
- 11 Plotnikova, M.M. (2015). *Lokalnaia i regionalnaia identichnost sibirskikh gorodov v XXI v.* [Local and regional identity of Siberian cities in the 21st century]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye nauki — Journal of the Siberian Federal University. Humanities*, 8, 245–252 [in Russian].
- 12 Zhigunova, M.A., Remnev, A.V., & Suvorova, N.V. (2014). *Sibirskii rakurs regionalnoi identichnosti* [The Siberian angle of regional identity]. *Natsionalnye priority Rossii — National priorities of Russia*, 2(12), 48–63 [in Russian].
- 13 Kazantsev, D.A., & Kachusov, D.A. (2021). *Regionalnaia identichnost v soznanii molodezhi Sibiri i Dalnego Vostoka* [Regional identity in the consciousness of youth in Siberia and the Far East]. *Sotsialnye i gumanitarnye znaniia — Social and humanitarian knowledge*, 7(2), 134–145 [in Russian].
- 14 Madiukova, S.A., Persidskaia, O.A., & Popkov, Yu.V. (2017). *Obshchenatsionalnaia i etnicheskaia identichnost molodezhi etnicheskikh grupp respublik Sibiri v sravnitelnoi perspektive* [All-Russian and ethnic identity of youth of ethnic groups in the republics of Siberia in comparative perspective]. *Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill*, 3, 69–83 [in Russian].
- 15 Shcherbakov, A. (2004). *Vse peremelet Sibirskaia melnitsa* [The Siberian mill will grind everything]. *Krai bolshogo budushchego. Istoriia, deistvitelnost, perspektiva. Materialy konferentsii «70 let Krasnoiarскому kraiu: itogi i perspektivy razvitiia» — A Land of a Great Future. History, Reality, and Prospects. Proceedings of the conference «70 Years of Krasnoyarsk Krai: Results and Development Prospects»* (pp.118–120). Krasnoyarsk: Izdatelstvo OOO «Elektrobyttekhnik» [in Russian].
- 16 Anisimova, A.A., & Echevskaia, O.G. (2012). *Sibirskaia identichnost: predposylki formirovaniia, konteksty aktualizatsii* [Siberian identity: prerequisites of formation, contexts of actualization]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet [in Russian].
- 17 McQuail, D. (1992). *Media Performance: Mass Communication and the Public Interest*. London: Sage.
- 18 Kočnerová, M., & Tökölyová, T. (2017). *Význam národnej identity pre zahraničnú politiku malého štátu v globalizovanom svete* [The importance of national identity for the foreign policy of a small state in a globalized world]. *Formovanie identity v čase a priestore — Formation of identity in time and space*, 122–148 [in Slovak].
- 19 Collins, R. (1990). *Culture, Communication, and National Identity: The Case of Canadian Television*. Toronto: University of Toronto Press.
- 20 Khrapov, S.A., Chernichkin, D.A., Topchiev, M.S., & Krivenko, A.I. (2024). *Novye markery natsionalnoi identichnosti Respubliki Kazakhstan: formirovanie antirossiiskikh nastroenii v sotsialnykh media* [New markers of national identity of the Republic of Kazakhstan: the formation of anti-Russian sentiments in social media]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya — Perm University Bulletin. Political Science*, 18(2), 111–125 [in Russian].
- 21 Avksentev, V.A., Ivanova, S.Yu., & Shulga, M.M. (2024). *Reprezentatsii etnopoliticheskoi situatsii na Severnom Kavkaze v mediaprostranstve regiona* [Representations of the ethno-political situation in the North Caucasus in the region's media space]. *Vestnik Instituta sotsiologii — Bulletin of the Institute of Sociology*, 15(3), 37–54 [in Russian].
- 22 Safin, F.G., Alekseenko, S.S., & Khaliulina, A.I. (2018). *Natsionalnye mass-media kak markery etnoiazykovoi identichnosti finno-ugorskikh narodov Bashkortostana* [National mass media as markers of ethnolinguistic identity of the Finno-Ugric peoples of Bashkortostan]. *Finno-ugorskii mir — Finno-Ugric world*, 4, 55–66 [in Russian].
- 23 Trubnikova, N.V., & Sarkisova, A.Yu. (2022). *Geroi natsionalnykh narrativov v zerkale istoricheskoi pamiati Runeta (na materialakh bolshikh dannykh sotsialnoi seti «VKontakte»)* [Heroes of national narratives in the mirror of Runet historical memory (based on big data from the VKontakte social network)]. *Rusin*, 69, 282–305 [in Russian].
- 24 Fedotova, N.G. (2023). *Commemoration leaders: cultural memory of a city in the digital age*. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 26(4), 163–188 [in Russian].
- 25 Habermas, J. (1989). *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, MA: MIT Press.
- 26 Thompson, J. (1994). *Social Theory and the Media*. In *Communication Theory Today* / ed. by D. Crowley, D. Mitchell. Stanford: Stanford University Press.
- 27 Makliuen, M. (2005). *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pečataiushchego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond «Mir» [in Russian].
- 28 Blumer, G. (1984). *Obshchestvo kak simvolicheskaja interaktsiia* [Society as Symbolic Interaction]. *Sovremennaiia zarubezhnaia sotsialnaia psikhologiya — Modern foreign social psychology*, 173–179. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta [in Russian].
- 29 Latur, B. (2014). *Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow: Izdatelskii dom Vysshei shkoly ekonomiki [in Russian].
- 30 Krasilnikova, E.I., & Valdman, I.A. (2021). *Istoriia gorodov Zapadnoi Sibiri v reprezentatsiakh zhurnala «Sibirskie ogni»: politicheskie i istoriko-kraevedcheskie konteksty 1920–1940-kh godov* [The history of West Siberian cities in the representations of the journal «Sibirskie ogni»: political and historical-local studies contexts of the 1920s–1940s]. *Nauchnyi dialog — Scientific dialogue*, 7, 428–448 [in Russian].
- 31 Lianova, T.E., & Isina, G.I. (2024). *K voprosu fenomena natsionalnoi identichnosti v Kazakhstane i ego verbalizatsii v kazakhstanskikh media* [On the phenomenon of national identity in Kazakhstan and its verbalization in Kazakh media].

Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniia — International Journal of Experimental Education, 1, 21–25 [in Russian].

32 Gizdatov, G.G. (2024). Media diasporal'nykh grupp Kazakhstana: problemy kulturnoi identichnosti [Media of diaspora groups in Kazakhstan: problems of cultural identity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya — Tomsk State University Bulletin. Philology*, 92, 248–264 [in Russian].

33 Zhrebneko, A.V. (2024). Tematicheskie dominanty altaiskogo mediateksta kak instrument konstruirovaniia lokalnoi identichnosti [Thematic dominants of the Altai media text as a tool for constructing local identity]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia — Sign: The problematic field of media education*, 1(51), 6–11 [in Russian].

34 Ilina, O.V., & Kablukov, E.V. (2020). Praktiki konstruirovaniia regionalnoi identichnosti v mediadiskurse Tatarstana [Practices of constructing regional identity in the media discourse of Tatarstan]. *Nauchnyi dialog — Scientific dialogue*, 3, 52–66 [in Russian].

35 Chernyshov, S.A. (2024). «Khochu ia etogo, ne khochu — ia sibirskii»: proshloe i nastoiashchee sibirskoi identichnosti [«Whether I want it or not, I am a Siberian»: the past and present of Siberian identity]. *Mir Rossii — The World of Russia*, 33(4), 23–43 [in Russian].

36 Lamp, Z., & Kočnerová, M. (2024). Development of Media Consumption of Hungarians in Slovakia in the Light of Empirical Data. *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*, 18(2), 27–49.

Сведения об авторе

Сергей А. Чернышов (*автор-корреспондент*) — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории Восточной Европы, Рурский университет в Бохуме, Бохум, Германия, e-mail: opensibir@gmail.com; sergei.chernyshov@ruhr-uni-bochum.de, <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

Автор туралы мәліметтер

Сергей А. Чернышов (*хат-хабарға жауапты автор*) — тарих ғылымдарының кандидаты, Шығыс Еуропа кафедрасының ғылыми қызметкері, Бохумдағы Рур университеті, Бохум, Германия, e-mail: opensibir@gmail.com; sergei.chernyshov@ruhr-uni-bochum.de, <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

Author Information

Sergei A. Chernyshov (*corresponding author*) — Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at the Department of Eastern European History, Ruhr University Bochum, Bochum, Germany, e-mail: opensibir@gmail.com; sergei.chernyshov@ruhr-uni-bochum.de, <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

Conflicts of Interest. The author declares no conflict of interest / **Конфликт интересов.** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / **Мүдделер қақтығысы.** Автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді.